

«Увет духовный» Афанасия Холмогорского: структура и идейная проблематика книги

При изучении памятников публицистики, связанных с темой раскола, внимание исследователей долгое время в большей степени было обращено к литературе старообрядцев. Сочинения же представителей официальной Церкви, направленные в адрес противников церковной реформы, изучены слабо. Между тем они также нуждаются в обстоятельном исследовании, что позволит лучше понять специфику взаимоотношений обеих сторон исторического конфликта, всю сложность и подоплеку их идейной борьбы. К таким сочинениям относится полемическая книга «Увет духовный» Афанасия Холмогорского, в которой нашли отражение проблемы религиозно-идеологических столкновений последней четверти XVII в.

«Увет духовный» был написан архиепископом Афанасием летом 1682 г., спустя два года после его переезда в Москву из Сибири, где он провел большую часть своей жизни и где сформировался как писатель. Текст книги свидетельствует о большой начитанности автора, глубоком знании им книжного наследия Древней Руси. Свои знания он, несомненно, приобрел в Сибири, где русская литература в XVII в. была уже хорошо и разнообразно представлена. По наблюдениям Е.К. Ромодановской, на территорию Сибири с переселенцами и путем централизованной рассылки поступали издания Московского Печатного двора XVI–XVII вв. Наряду с церковной служебной литературой, составлявшей подавляющую часть всех изданий, распространялись также печатные и рукописные книги богословского, полемического, учительного, религиозно-нравственного содержания¹. Первые писательские опыты будущего холмогорского владыки, по-видимому, относятся к периоду его жизни в Далматовском Успенском монастыре (на р. Исети), куда он пришел в 1666 г. По мнению В.М. Верюжского, Афанасий уже в самом начале своего появления в монастыре был здесь «самым книжным человеком», «начетчиком в

полном смысле слова — в состоянии был составить трехтомное толкование на Псалтирь»². Пополнению культурного багажа и накоплению литературного опыта Афанасия способствовало также и его пребывание в течение нескольких лет в Тобольском архиерейском доме³, который в XVII в. играл важную роль в распространении за Уралом православной духовной культуры, становлении и развитии местной книжной традиции, был «главным центром литературной работы в Сибири»⁴.

По-видимому, благодаря начитанности и литературному опыту Афанасий получил от патриарха Иоакима задание написать «Увет духовный». Находясь в столице до отъезда во вверенную ему Холмогорскую и Важескую епархию, он стал свидетелем Стрелецкого восстания и всплеска движения раскола летом 1682 г. и принял участие в знаменитых прениях о вере между православными иерархами и лидерами защитников «древлего благочестия». Эти события и свою их оценку Афанасий отразил в «Увете духовном», написав текст за очень короткий срок: к 20 сентября книга была издана Московским Печатным двором. Поспешность, с которой работал составитель книги, свидетельствует о том, что для представителей Церкви важно было подготовить быстрый ответ на развернувшиеся драматические события, таившие в себе опасность как для церковных, так и для светских властей. Необходимо было обосновать позицию Православной церкви по отношению к идеологам раскола, от имени патриарха обличить и опровергнуть их взгляды и негативные высказывания, касавшиеся церковной реформы, новых обрядов и самих реформаторов. Автор книги хорошо понимал, что мнение лидеров церковной оппозиции оказывало воздействие на верующих, формируя их взгляды и пополняя ряды новых противников Церкви. Поэтому он обращался от имени патриарха Иоакима не только к обличителям церковных нововведений, но ко

«всему российскому народу», «ко всем людям Божиим, православным христианом во всем Российском государстве всякаго чина и возраста»⁵. Таким образом, помимо обличения противников церковной реформы, одной из важных задач, стоявших перед автором книги, была задача предостеречь паству в целом от возможных негативных влияний на нее со стороны «самозаконных раскольников». Книга имела и сугубо практическое значение для духовенства на местах: она должна была стать пособием для провинциальных священнослужителей в их борьбе со старообрядцами, поэтому сразу после выхода из печати была разослана по епархиям⁶.

Несколько экземпляров «Увета духовного» вместе с сопроводительным посланием патриарха Иоакима были доставлены Карионом Истоминым⁷ в виде традиционного подношения для царей (царский двор в это время находился за пределами Москвы из-за стрельческих волнений). Вот как отразил это событие автор «Созерцания краткого» в записях за сентябрь 1682 г., присовокупив к своим заметкам и текст патриаршей «епистолии» от 25 сентября. Он писал:

В тыя же дни печатным тиснением издадеся книга Увет духовный, и по обычаю, во первых, великим государем в поход от святейшаго патриарха в подношение подаются, тем же тогда же послашася. И епистолия писася о Увете и о служивых сице: «Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем. Богомолец Ваш Иоаким, патриарх Московский и всея России, благословение наше архиерейское дая во Господе радоватися. Аще убо земледелатель, зря в поле сеянна своего между пшеницею возрастаемая плевелы, изторгати тщится, да не носит к тому поле тщеты делателю, колми паче нам подобает во многоплодном поле, возделанном от самага Спасителя нашего, Иисуса Христа, между доброрасленною пшеницею христиан православных, по завещанию Его вверенное стадо словесное пасуще, всякое нечестие и зло прозябающее, яко плевелы, изстребляти... Видяще же в пастве нашей неистинное и плевелное учение, сеемое от злых человек, раскольников, отторгающее от святых Церкви люди Божия, иже безумством и злыми обычай ея прелщают в вечную погибель, того ради написахом книгу Увет духовен, яже увещевает люди Божия не мудрствовати нижних и вышних, кроме Церкви святых, яже мудрствует, исправляюще духом кротости... И оный наш Увет Вашим государским повелением напечатася и к Вашему царскому величеству послахом Уветов книг десяточисленно... С книгами же Уветов послан Печатнаго двора справщик, иеродиакон Карион Истомин. Писа-

ся в царствующем граде Москве лета 7191 септемвриа месяца 25 дня»⁸.

Содержание «Увета духовного» кратко отражено в его пространном заглавии:

Возглашение увещательное всему российскому народу великаго господина святейшаго Иоакима, патриарха Московскаго и всея России, в нем же изъявлении на раскольников, како воста на святую Церковь и зле падоша и киими словесы простый народ прелстаху, и на те разврщенные их словеса, еже оными не уверятися, свидетелства достоверная святых древних книг положишася (л. 1–1 об.).

По своей композиционной структуре книга делится на три части.

Первая часть представляет собой введение к основному, полемическому разделу сочинения и занимает л. 1 об.–83 об. Содержательно этот текст является особо значимой частью книги и играет роль идейно-тематического ядра всего повествования. Читатель имеет возможность уже во введении познакомиться с позицией автора относительно важнейших общественных и церковно-религиозных проблем второй половины XVII в. Афанасий Холмогорский вполне определенно высказывает здесь свои взгляды на актуальную для того времени проблему взаимоотношений церковной и светской власти («священства» и «царства»). При этом он опирается на предисловие Службника 1655 г., где Епифанием Славинецким были изложены основные идеи программы патриарха Никона⁹. Первым на данный источник указал С.А. Белокуров, правда ограничившись лишь следующим небольшим замечанием: «Составитель „Увета“ излагает официальную историю исправления книг при патриархе Никоне, помещенную в предисловии к службнику 1655 года»¹⁰. Однако текстологический анализ показал, что Афанасий не просто использовал фактические сведения из предисловия указанного Службника, касающиеся книжной sprawy, но заимствовал идеи источника, делая прямые выписки текста, довольно значительные по своему объему. Например, он процитировал большие фрагменты текста (многие в неизменном виде), где говорится о церковной реформе, соборе 1654 г. и выступлении на нем патриарха Никона. Целиком был переписан текст, где представлена модель православного царства, основанная на принципах идеи «симфонии» патриаршей и царской власти. При этом текст Епифания Славинецкого был подвергнут

Афанасием Холмогорским тщательной редакции в соответствии с задачами повествования и с учетом нового исторического контекста, что, впрочем, не нарушило основного смысла концепции использованного источника: идея «симфонии» духовной и светской власти была сохранена автором «Увета духовного»¹¹.

С темой священства и царства в книге холмогорского архиерея тесно связана тема Церкви, которая также заявлена во введении. Собственно с обоснования значения Церкви начинается «Увет духовный», а далее писатель постоянно подчеркивает ее основополагающую роль в духовной жизни православного царства. Открывая и завершая введение, тема Церкви как бы закольцовывает повествование этой части книги. Повествование начинается подборкой цитат из Священного Писания, которые выполняют функцию *тематического ключа* (по терминологии Р. Пиккио¹²), открывающего смысл дальнейших размышлений автора «Увета духовного». Развивая тему одного из стихов Псалтири — «Мир мног любящим закон Твой...» (Псал. 118: 165), он обосновывает необходимость соблюдения богоустановленных законов и призывает к безусловному послушанию Церкви, суммируя свои рассуждения в таких формулировках: «мир мног любящим Церковь Божию», «мир мног любящим церковное благочестие», «мног мир последующим и покаряющимся святей восточней православней Церкви», «в Церкви есть видети общий смысл всего народа и государства» (л. 5–8). И завершается раздел своеобразным гимном Церкви. Используя цитаты из трудов Иоанна Златоуста и традиционный книжный топос *корабль в бурном море*¹³, Афанасий Холмогорский создает развернутый метафорический образ странствующей Церкви, где она уподобляется непотопляемому кораблю в океане «еретических» волнений¹⁴. Он пишет:

Вещаем со святым Иоанном Златоустом, иже сие рече: Мнози суть напастей волны и люто потопление, но не боимся погрязновения, на камени бо стоим. Да пенится море и неистовит, но камени не может сокрушити, да востают волны, но Иисусова корабля не могут потопити... Колико еретиков и расколников хотеша соодолети Церковь и понеже не соодолеша. И где суть ратници ти? Не умолкоша ли и в забытии отнюд положени? А Церковь же где? Не паче ли солнца сияет? Онех же вся угасоша, а сия безсмертна есть... Сего ради вси людие, бежите от зла и благо творите и вози-

мете мир, любяще закон Божий и непорочную Церковь Божию, яко несть в ней соблазна, и будет мзда ваша многа на небеси... (л. 76 об.–78 об.).

Итак, обличая «расколников» и всех тех, кто проявляет непослушание Церкви, принимая тем самым ее авторитет, Афанасий Холмогорский от лица патриарха Иоакима выражает и обосновывает во введении книги идею сильной непобедимой Церкви, развивая таким образом фундаментальную идею программы преобразований патриарха Никона, который, по словам М.В. Зызыкина, «стремился восстановить начинавшее меркнуть в его время правовое понятие Церкви»¹⁵. Автор «Увета духовного» призывает следовать церковным канонам и заветам Отцов Церкви, искать ответы на возникающие вопросы и вызовы времени в Священном Писании и святоотеческом наследии.

Во вводной части Афанасий Холмогорский несколько страниц посвятил и описанию реальных событий весны и лета 1682 г. (смерть царя Федора Алексеевича, старообрядческие волнения и Стрелецкий бунт, диспут о вере в Грановитой палате Кремля), свидетелем и участником которых был сам. Свои наблюдения за поведением защитников старого обряда он описывает в весьма резкой форме:

И нынешняго 7190-го лета по восприятии скипетродержавства всего царства Российскаго великих наших государей царей и великих князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича всея великия и малыя России самодержцев вскоре... злии расколницы возбеснеша. Паки из кустов и от ветров, их же собра сатана, на непорочную Церковь в царствующем зде граде восташа. Паки невежди восхрпеша злодыдущими усты вредотворныя хулы и поношения. Паки благочестивых наших и православных царей и нас, архиереев, и весь монашеский священный чин, и всех на всем свете восточныя Церкви христиан назваша еретиками и богоотступниками, и церкви святыя не токмо простыми храминами, но и конскими стоялищи нарицаху. И что сего злее, и коего ума сия дела? И грех ради наших такову дерзость онии псы беснии на ся взяша, яко не токмо по дворах тайно, но уже с буестию проклятою по улицах, по торжищах, по корчмах, пьянствующе по погребам, людей божиих ядометными своими словесы прелсаху, вещающе странная ушесам человеческим (л. 53 об.–54 об.).

Столь эмоциональные авторские оценки действий противников церковной реформы свидетельствуют о том, что все происходящее оказало на него очень сильное влияние.

Подобные уничижительные характеристики старообрядцев неоднократно встречаются в «Увете духовном». В целом стиль изложения, который демонстрирует Афанасий Холмогорский, отличают полемически заостренные, часто чрезмерно резкие выпады в адрес оппонентов и эмоционально окрашенные негативные оценки их взглядов и суждений. Такой стиль, впрочем, был общепринятым в публицистике того времени, его использовала и вторая сторона конфликта.

Обличительный тон изложения особенно характерен для второго раздела «Увета духовного», который представляет собственно полемическую часть книги и занимает наибольший объем в ее структуре (л. 84–246 об.). Здесь автор подробно разбирает и обличает ряд положений Челобитной ревнителей «древлего благочестия» — Челобитной Никиты Добрынина и монаха Сергия, фигурировавшей в прениях¹⁶. Текст этой части разделен на 24 разных по объему фрагмента, каждый из которых посвящен критическому анализу какого-то определенного обвинения, выдвинутого лидерами староверов в адрес реформаторов. В качестве главного принципа ведения спора автор избирает лаконизм изложения своей позиции по тому или иному вопросу и опору на книжное наследие Древней Руси: собственные критические оценки взглядов и высказываний защитников «древлего благочестия», касающиеся обрядовых и вероисповедных вопросов, он намерен поверять «свидетельствами» «святых древних книг»: «против их нелепых вещаний вещания краткая, искореняющая их буйство и старых книг свидетельство, по обыкновенной в людех пословице, являющей истину сице: на правду немного словес потребно» (л. 84–84 об.). Этому принципу автор следует на протяжении всего текста. Формулировка приводимых в книге пунктов из «лжесоставной челобитной» (ее авторов полемист именует «противницы и возмутители») обозначается как «статья», а ответ на нее — «глава». Писатель полемизирует в ответных «главах» на темы, которые стали предметом прений и составляли основу идеологии протеста: формы креста, крестного знамения, аллилуйя, Символа веры, написания имени Иисус, обсуждает и другие спорные вопросы. Разделы очень разнятся по своему объему: некоторые «противовещания» Афанасия Холмогорского невелики, а другие, как, например, ответы на тему о форме креста и крестного знамения (гл. 7 и

8) весьма пространны, несколько глав посвящены также Символу веры (гл. 12–14). Много места уделено в этом разделе и теме исправления богослужебных книг. Автор «Увета духовного» при этом не просто обличает взгляды «челобитчиков», а стремится своими увещеваниями добиться понимания с их стороны. Он терпеливо объясняет и обосновывает историческую необходимость книжной справки, подробно рассказывая, «како бысть книжное правление и каким смыслом начася творити доброе дело сие... и в кая лета».

В связи с вопросами книжной справки и обрядовой реформы особое внимание Афанасий обращает на потребность духовного просвещения и образования, обосновывая их насущную необходимость и важную роль в жизни христианина. Осознавая большую роль просвещения в обществе и необходимость образования не только в области богословия, но и в области «свободных наук», автор «Увета духовного» уделил этой теме большое внимание, особо выделяя грамматику как необходимое средство познания всех наук и «разума святых книг». Изучение «грамматического художества», по его мнению, было важным условием разрешения споров о книжной справе, порожденных церковной реформой¹⁷. Эти размышления писателя стали откликом на реальные запросы времени. Проблема просвещения приобрела к началу 80-х гг. XVII в. особую актуальность в связи с планами создания в Москве высшего учебного заведения и обсуждалась в публицистических сочинениях писателей, представлявших разные направления русской литературной культуры¹⁸. В этом плане «Увет духовный» Афанасия Холмогорского стоит в одном ряду с такими сочинениями, как «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и феологии, и стихотворному художеству... или и не учася сим хитростем... в простоте Богу угождати...» Евфимия Чудовского¹⁹, «Довод вкратце»²⁰ неизвестного автора и другими полемическими трудами, появление которых, по мнению Б.Л. Фонкича, было ответом грекофилов на «Привилегию на Академию» Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева²¹.

Идея просвещения получила дальнейшее развитие в третьей, заключительной части «Увета духовного» (л. 247–272). Здесь она представлена писателем в более развернутом виде. Тему задает цитата из Священного Писания: «Писание бо святое вещает, яко мно-

жество мудрых — спасение миру». Афанасий Холмогорский вновь подчеркивает мысль об огромном значении духовного просвещения, особо отметив при этом роль книгопечатания в распространении знаний. Оно, по мнению автора, гарантировало стабильность текста (в отличие от нестабильной рукописной его формы), а также сделало его единообразным (унифицированным в результате предпринятых мероприятий по книжному исправлению) и доступным для большего количества читателей. Свою оценку книгопечатания автор «Увета духовного» выражает в таких словах:

Егда же благодатию Божию люди болши начали о истинном известии святых книг тшаться и учиться писанию многия и печатати книги, тогда уже всюду во всем российском государстве, якоже в царствующем граде, тако и во всех странах, книги едины и наречия в них едины, и учащиеся Писанию знание имут едино... (л. 263–263 об.).

Однако адекватное понимание изданных текстов невозможно, по его мнению, без знания грамматики; только это знание является условием исключения неверных трактовок той или иной книги. Обращаясь к авторам Челобитной, Афанасий пишет: «И ради лучшаго ведения божественнаго Писания зело подобает христианину оному грамматическому художеству учиться, и изучася бо, никто же будет на святяя книги порок наводити» (л. 264). Важно отметить, что увещевания и рассуждения автора книги о необходимости просвещения были направлены не только к старообрядцам, но ко «всем людям Божиим, православным христианом во всем российском государстве, всякаго чина и возраста».

Анализ текста «Увета духовного» показывает, что Афанасий Холмогорский проделал большую работу по поиску необходимых источников и отбору наиболее авторитетных текстов, которые послужили ему материалом при опровержении ложных, с его точки зрения, взглядов защитников старого обряда. Одним из главных источников при написании книги для Афанасия послужили тексты Симеона Полоцкого из «Жезла правления», изданного в Москве в 1667 г.: отсюда писатель позаимствовал для второй части «Увета духовного» некоторые ответы-«возобличения» Симеона, иногда в измененном виде, иногда дословно переписав их в свою книгу. Подобный традиционный для литературы средневекового типа прием использования чужого текста был здесь вполне уместен. Этот метод книжной работы был освоен Афанасием

Холмогорским еще в Сибири в Далматовском Успенском монастыре и Тобольском архиерейском доме. Поскольку перед ним стояли схожие с Симеоном Полоцким задачи, писатель при создании своей книги привлекал фрагменты подходящего готового текста из «Жезла правления», встраивая их в собственные рассуждения. Ведь Афанасий вынужден был отвечать на те же обвинения и претензии староверов (хотя и в несколько иных формулировках), ведя полемику по тем же вопросам (о Символе веры, аллилуйя, форме креста, крестного знамения и др.), что и Симеон Полоцкий²². Таким образом, помимо «Жезла правления» Афанасий использует также и другие печатные издания XVII в., в том числе дореформенные. В связи с тем что некоторые претензии защитников старой веры, обращенные к реформаторам церковных обрядов, относятся к тексту «Скрижали» (М., 1656), автор «Увета духовного» проанализировал критикуемые ими фрагменты этой книги, доказывая ошибочность их толкования в Челобитной. В качестве доказательных материалов он привлек и другие издания: Сборник переводов Епифания Славинецкого (М., 1665), «Соборник большой» (М., 1647), Книгу толкований Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла (Киев, 1623), «Кириллову книгу» (М., 1644). Важное место в идейной системе «Увета духовного» занимает также «Книга о вере» (М., 1648), на которую писатель ссылался, рассматривая темы предметной связи русской и греко-византийской церковью (в частности, тему крещения Руси). Одно из важных мест среди источников «Увета духовного» занимает апокрифическое сказание о путешествии в славянские земли апостола Андрея Первозванного, известное по «Повести временных лет». Решая актуальные вопросы общественной и церковной жизни своего времени, писатель осмыслил проблематику летописного нарратива, трактуя легендарное событие как начальный этап в истории Русской церкви²³. Среди источников книги «Увет духовный» были также и сочинения Максима Грека²⁴. Так, в контексте полемики по поводу «Феодоритова слова» автор привлек Послание Максима Грека митрополиту Даниилу, в котором ученый монах объяснял владыке причину своего отказа переводить Книгу Феодорита, епископа Кирского. Авторитетными источниками для автора «Увета духовного» были не только сочинения Максима Грека, но также и ма-

нускрипты, «свидетельствованные» знаменитым книжником и отмеченные его автографами. Например, в одном из фрагментов «Увета духовного», где разбирается спорный вопрос об аллилуйя, Афанасий отсылает оппонентов к Триоди цветной, которая была написана «в лето 6852-го году» и «свидетельствована... Максимом Греком Святыя горы, и его рукою та Триодь подписана» (л. 155–155 об.). Опора в качестве доказательной базы на древнюю книжность, в том числе на сочинения Максима Грека, судя по тому как эти источники обильно наполняют книгу, была осознанным приемом автора «Увета духовного» в полемике с идеологами старой веры. Принимая во внимание культурную ориентацию старообрядцев на древность, Афанасий Холмогорский полагал, что с помощью аргументов из этих источников будет проще убедить противников обрядовых преобразований в неправомерности их взглядов и суждений, касавшихся церковных нововведений. Как было уже отмечено, значительное воздействие на текст и идейную проблематику сочинения Афанасия Холмогорского оказали труды Епифания Славинецкого. Влияние идейного наследия знаменитого книжника прослеживается на протяжении всего повествования изучаемой книги.

В целом в ходе критического разбора обвинений, выдвинутых защитниками старого обряда в адрес реформаторов, Афанасий Холмогорский опирался на большой круг разных по своему типу и времени происхождения источников (сочинения авторитетных предшественников, священные предметы, легендарные и документальные сведения). Особо значимыми для него были памятники книжности Древней Руси из собраний царского и патриаршего книгохранилищ, а также «книгохранительной палаты» Печатного двора. В этих книжных собраниях, по его словам, заключены бесценные сокровища духовных знаний: «И что в них писано, яко не оцененное есть сокровище. И како возможно есть кому противно тем святых книгам писати и противная печатати?.. Сего ради да никто же о сем блазнится, ни да помышляет зла» (л. 256 об.–257).

Все эти материалы служили ему в качестве источников необходимых сведений и аргументов для обоснования позиции официальной Церкви относительно обрядовых преобразований²⁵. Принципы использования и композиционного расположения подобран-

ных материалов были продиктованы задачами полемики, которые ставил перед собой Афанасий Холмогорский, выстраивая структуру «Увета духовного», где каждый элемент приобрел свою функциональную роль и идейно-тематическое значение. Полемизируя со старообрядцами, писатель затронул многие актуальные проблемы времени. Он писал о необходимости духовного просвещения, высказал свои взгляды на роль Церкви в жизни государства, на отношения духовной и светской власти, что и составило идейную проблематику книги.

Работа подготовлена при финансовой поддержке фонда Президента РФ для ведущих научных школ (проект № НШ-2318.2012.6).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973; Она же. Сибирь и литература XVII в.: Избр. тр. Новосибирск, 2002. С. 27–53.

² Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 13.

³ В Тобольском архиерейском доме он пребывал с 1666 по 1674 г., сначала в должности крестового архиерейского иеродиакона, а затем ризничего.

⁴ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подгот. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. (История Сибири: первоисточники. Вып. 10). Новосибирск, 2001. С. 8.

⁵ Увет духовный. М., 1682. Л. 1 об. Далее при цитировании текста указания на листы книги приводятся после цитат в круглых скобках.

⁶ О распространении тиража «Увета духовного» см.: Белякин Ю.С. Документы архивов московских приказов об издании и распространении антистарообрядческих книг Печатного двора во второй половине XVII в. // Отечественные архивы. 2011. № 4. С. 51–52. Известно также довольно много рукописных копий книги, сделанных в разное время с печатного издания 1682 г., что свидетельствует о ее популярности у читателей. «Увет духовный» пользовался известностью и в среде тех, против кого он был направлен: старообрядцы нередко привлекали текст книги в качестве объекта критики в своих сочинениях.

⁷ Любопытно, что С.А. Белокуров, основываясь на документальных сведениях приходо-расходных книг Печатного двора, высказал предположение, что Карион Истомина помогал Афанасию Холмогорскому в работе над книгой, участвуя если не в написании некоторых фрагментов «Уве-

та духовного», то в его редактировании при подготовке текста к изданию (см.: Белокуров С.А. Кто автор Увета духовного? // Христианское чтение. 1886. Т. 2. С. 176–177).

⁸Цит. по изданию «Созерцания краткого» в книге: Козловский И. Сильвестр Медведев: Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895. С. 129–131.

⁹См.: Служебник. М., 1655. Л. 1–44.

¹⁰Белокуров С.А. Кто автор Увета духовного? С. 167.

¹¹Панич Т.В. Об одном источнике «Увета духовного» Афанасия Холмогорского (к теме священства и царства в литературе второй половины XVII в.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 213–222.

¹²Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 152–153.

¹³Каждан А.П. «Корабль в бурном море»: К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 3–16.

¹⁴Символический образ Церкви-корабля, преодолевающего бури «еретических наводнений», был использован ранее Епифанием Славинецким в слове «На непокорники Церкви» (см. нашу публикацию этого сочинения по списку ГИМ, Синодальное собрание, № I, л. 496–502 об., который был сделан Евфимием Чудовским, учеником Епифания Славинецкого: Панич Т.В. Слово «На непокорники Церкви» — памятник ранней антистарообрядческой полемики // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 158–180). Тот же образ присутствует и в Послании Евфимия Чудовского патриарху Адриану (Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. С. 316).

¹⁵Зызыкин М.В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. М., 1995 (репринт издания в 3 ч.: Варшава, 1931, 1934, 1938). С. 9.

¹⁶Данный текст известен в настоящее время лишь по изданным его фрагментам в «Увете духовном» (см.: Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 175).

¹⁷Панич Т.В. Тема грамматического знания в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 5, вып. 2: Филология. 2006. С. 3–8.

¹⁸Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 189–267; о борьбе за просвещение в конце XVII в. см. также: Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 279–334. В исследовании А.П. Богданова писатели-грекофилы представлены как ретрограды, непримиримые противники просвещения («мудроборцы»). Книга «Увет духовный» опровергает подобные высказывания и оценки.

¹⁹Новейшее издание текста данного сочинения см.: Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве... С. 244–261.

²⁰Публикацию текста см.: Там же. С. 264–267.

²¹Там же. С. 232.

²²Об этом см.: Панич Т.В. «Увет духовный» Афанасия Холмогорского и «Жезл правления» Симеона Полоцкого: особенности полемики с идеологами староверия в условиях старообрядческого движения 1682 г. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения азиатской России: Материалы всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.). Новосибирск, 2008. С. 34–38. На текстуальные заимствования из «Жезла правления» обратили внимание уже первые исследователи «Увета духовного» С.А. Белокуров (Белокуров С.А. Кто автор Увета духовного? С. 168–169) и В.М. Верюжский (Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 605–611).

²³Панич Т.В. Летописное сказание об Андрее Первозванном в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского // Лирические и эпические сюжеты: Материалы к словарю сюжетов русской литературы. Вып. 9. Новосибирск, 2010. С. 19–31.

²⁴О характере использования в «Увете духовном» идейного наследия Максима Грека (одного из любимых авторов блюстителей староверия), ставшего предметом борьбы обеих сторон конфликта, см.: Шашков А.Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — начале XVIII в. // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979. С. 81–82; Он же. Афанасий Холмогорский и идейно-литературное наследие Максима Грека // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 173–184.

²⁵Подробно об источниках книги см.: Панич Т.В. Источники «Увета духовного» Афанасия Холмогорского // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 25–56.